НАС СПАСЕТ ТОЛЬКО ЧУДО

Галина Волчек — в числе наиболее известных московских режиссеров. Но это известность особого рода — в ней нет оттенка эпатажа, нет скандальности. У нее были спектакли более и менее удачные, но провалов не было никогда. Так же работает и «Современник» — театр, которым она руководит уже двадцать два года. Сегодня режиссер отвечает на вопросы нашего корреспондента.

— Галина Борисовна, когда Олег Ефремов ушел во МХАТ, уведя с собой лучших актеров, многие считали, что «Современнику» пришел конец. С тех пор прошла целая жизнь: МХАТ распался на две части, и обе переживают сейчас не лучшее время, разделились и другие театры... «Современник» же по-прежнему жив, здоров и на редкость стабилен. В чем здесь секрет?

— Когда Олег Николаевич ушел во МХАТ, за ним пошли не только актеры. Драматурги, писавшие для «Современника», отдали пьесы ему, и мы остались без репертуара. И это удивительно — представить «Современник» без Ефремова было очень трудно. Тогда нас и приговорили к смерти. А мы пережили уход лидера и благополучно работаем уже двадцать второй год.

Конечно, во многом мы стали другими. Когда-то, на заре «Современника» говорили, что мы начинаем день со слова «гражданственность». Здесь, как и во всякой шутке, была большая доля правды — «Современник» создавался как театр, для которого понятие гражданственности было главным. Что-то от этого мы сохранили и по сей день. Да, рынок берет свое и на театре, и какие-то вещи, которые раньше были бы немислимы, теперь никого не удивляют — можно, например, уехать посреди сезона на съемки... Да, к примеру, Неелова, Кваша, Яковлева, Гафт и другие должны получать иную зарплату по сравнению с остальной труппой — от этого никуда не деться. И все равно — когда речь идет

о поездках за границу или о каких-то других благах, мы стараемся действовать так, чтобы никто не остался обижен. И это себя оправдывает: когда приходилось защищать театр, когда надо было взяться за руки и дать отпор, мы всегда действовали как один человек...

— А от кого приходилось защищаться?

— Сначала от чиновников и партийных бонз. Потом — от своих же товарищей по искусству, пришедших к власти в различных театральных организациях.

Я помню, какое чистилище устроили нам на бюро райкома, когда на нашем юбилее бывшие артисты Таганки, переживавшие в нашем театре свою эмиграцию, что-то не то сказали со сцены... Наутро от меня потребовали их уволить, а когда я отказалась, устроили такое, что даже в ЦК, куда я принесла райкомовскую стенограмму, у людей волосы на голове встали дыбом.

Да чего только за эти двадцать два года с нами не было! Один из наших спектаклей принимали пятнадцать раз. После того как мы всем театром отказались от зарубежных гастролей (не выпускали двух наших товарищей), секретарь ЦК назвал меня хунвейбинкой. А потом, когда не чиновники, а наши коллеги из ЦТД СССР стали решать, кого посылать в зарубежные гастроли и на фестивали, мы тоже не попали в число любимчиков. Другой театр это вполне могло бы расколоть, нас же только сплотило.

— Как переживает нынешнее нездоровое время театр, который не может обойтись без слова «гражданственность»?

— С тех пор изменились и жизнь, и наш словарь. Гражданственность — это и острое чувство времени, и стремление не врать со сцены... Нам, как и всем остальным, случалось идти

на компромисс, но своего зрителя мы старались никогда не обманывать. Может, поэтому мы и сегодня собираем полный зал.

— А как вы чувствуете сегодняшнее время?

— В прошлом сезоне я поставила «Анфису» Леонида Андреева — пьесу, написанную в начале века. Моральный беспредел того времени удивительно созвучен нам, сегодняшним...

— Это очень мрачная аллегория. Гора трупов в финале, страшная старуха, которая плетет какую-то колдовскую пряжу...

— Вспомните ее последние слова. На вопрос «Что же делать?» она отвечает: «Нечего делать. Все сделано». И это упрек каждому из нас. Мы сами виноваты в том, что сейчас происходит. Мы, а не только общественная система: любую систему создает человек.

— Что ж, тогда вы сильно изменились с шестидесятых годов. Тогда «Современник» точно знал, кто прав, а кто виноват.

— И я очень этому рада. Театр — живое дело, не меняться он не может. Но все равно мы совсем другие по сравнению с сегодняшней молодежью. И дело даже не в том, что мой сын внутренне более свободен, что он не знает по инерции сидящего во мне страха — сначала перед тем, что олицетворяло государство, теперь перед ночной улицей... Просто он иначе думает и чувствует.

— В последнее время я брал много интервью у людей вашего поколения. Все они очень мрачно смотрят и на перспективы отечественной культуры, и на будущее России...

— Я этого будущего не вижу. Но я надеюсь — надеюсь на чудо. Что это будет за чудо — не знаю и представить его не могу. Может быть, Господь Бог нам поможет. А если говорить о театре... Я надеюсь, что какое-то чудо произойдет и здесь. Страна переживет свой апокалипсис, пройдет через это и театр... А там, глядишь, и возникнет что-то новое.

Но пока радоваться нечему. Самое страшное в том, что на театре рухнула прежняя рабочая мораль. Для русской сцены всегда были характерны ансамбль, постоянные труппы, неприятие чванства... Сегодня все это гибнет. Мы потеряли прежние ценности — когда сегодня ты играл Гамлета, а завтра мог выйти в маленькой роли, — но так и не пришли к железным принципам западной сцены: отсутствию уравниловки, истинной звездности.

Совсем недавно все говорили, что театр убила политика. Но сегодня залы почти всюду полны. То ли людям нужен праздник, то ли они тянутся к сцене, как какому-то островку прежней жизни...

— Я думаю, что здесь все взаимосвязано. Но есть и еще одна причина. Когда я собиралась ставить «Крутой маршрут», многие не советовали — зачем, ведь мы уже столько об этом знаем, столько сказано о тридцать седьмом годе. Я счастлива, что никого тогда не послушала — на «Крутом маршруте» я еще раз убедилась в магии коллективного действия, театрального группового поля. Одно дело, когда ты сидишь дома с книжкой в руке, другое — когда рядом с тобой затаивается зал на 900 человек, впадая в любимую актерами звенящую тишину. Для человека интеллигентного (а театр, пожалуй, самое элитарное из всех искусств) это не меньшее наслаждение, чем групповой балдеж на стадионе для поклонников рок-музыки.

— Галина Борисовна, что ждет от театра сегодняшний зритель?

— Он хочет, чтобы театр облегчил ему существование, увел его от жизни в красивую сказку. Впрочем, тут есть одна особенность... Когда я ставила в Америке «Зшелон», мне говорили, что американцы не знают войны, а на театре признают только мюзиклы. В этом было много правды. Но когда удавалось прорваться через внутреннюю броню, которой американ-

цы закрываются от любой неприятности, они так живо сопереживали горю тех, кто на сцене! В США зрители хотят праздника потому, что они к нему привыкли, у нас — оттого, что их измучила жизнь. Но если театр смог пробиться через это, он все равно заставит публику и задуматься, и заплакать.

— Над чем сейчас работает «Современник»?

— Мы пригласили на постановку Романа Балааяна, очень интересного кинорежиссера. Он ставит пьесу Ануя «Коломба». Роман Виктюк релетирует «Адский сад» итальянского драматурга Рикардо Маньярди. А сама я буду ставить новую пьесу Галина «Титул».

— Что для вас «Современник» — работа, дом, судьба? Вы, в прошлом прекрасная характерная антриса, никогда не жалуете, что взвалили на свои плечи такую махину?

— «Современник» для меня — все. Два года я отказывалась от кресла главного режиссера. Я кожей чувствовала, что мне придется отказаться от всего, что составляло мою жизнь. От личной судьбы, от актерства, от киносемак, от работы на стороне... Единственное, что я себе позволяю, — раз в год-полтора ездить на зарубежные постановки. Но без этого я бы просто не прожила — ни внутренне, ни в материальном отношении. На зарплату главного режиссера сегодня не просуществоешь. К тому же мне кажется, что это полезно для «Современника».

Считаю ли я себя счастливым человеком? Безусловно. Я родился в этом театре и прожила в нем всю жизнь. Здесь было все, что бывает в родном доме, — любовь и горе, ненависть и ласка... И все же нам удалось его сохранить. Я многое видела, много ездила. У меня есть прекрасный сын.

Я — счастливый человек, который очень трудно добывал свое счастье.